

Главный маэстро Нью-Йорка

Мир отмечает юбилей Леонарда Бернстайна

*Общая газета, — 1998,
— 20-26 авг., — с. 10*

ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ акцентов нынешнего фестиваля искусств в Линкольн-Центре — творчество Леонарда Бернстайна. 25 августа композитору исполнилось бы 80 лет, но дело не только в круглой дате.

Исполинские масштабы фигуры Бернстайна особенно ощутимы в Нью-Йорке. Он был квинт-эссенцией города, его порождением и его душой одновременно. И ничего удивительного, что одна из улочек, прилегающая к Линкольн-Центру, была названа проездом Леонарда Бернстайна еще при жизни маэстро...

Леонард Бернстайн долгие годы был моим кумиром. (Когда одна швейцарская газета назвала меня «Русским Леонардом Бернстайном», это была самая высшая и самая желанная похвала, которой я когда-либо в жизни удостоился.) Я слышал о нем с детства, я слушал его музыку с юности, я восхищался его записями всю жизнь. Особенно его присутствие в моей жизни ощутилось в 1959 году, когда он впервые приехал в Москву. Даже в нашем провинциальном Ташкенте визит Бернстайна и Нью-Йоркской филармонии в СССР был большой новостью, а кто-то из преподавателей-музыкантов специально полетели в Москву, чтобы послушать маэстро. Особенно много разговоров было о его программах, о его необычном поведении на сцене (перед концертом он довольно долго говорил, что у нас тогда было абсолютно невозможно), а также о его внемузыкальных делах. Например, один мой знакомый, который сумел

прорваться не только на концерт, но и за кулисы, рассказывал: «Представляешь, первый концерт Бернстайна в Москве, все стоят в очереди к нему в артистическую — и Хачатурян, и Кабелевский, а он все не выходит, не выходит, и вдруг — раз! — дверь открывается, он стоит на пороге, шикарно улыбающийся и... по пояс голый! Все, конечно, в шоке. А он приветливо машет — заходите, мол...»

Еще «вражеские голоса» передавали, что Бернстайн встретился с Пастернаком (это было

публика его об этом не просила. Бернстайн пришел в бешенство. Назвав Медведева «наглым лжецом», сказал, что больше в Москву не поедет. И так и сделал.

Следующий раз, если не ошибаюсь, он приехал в Россию только в 1989 году, за год до своей смерти. Во время этого визита мы дважды встретились и поговорили, насколько это было возможно тогда с моим ужасным английским. Он был мил и приветлив. Первыми моими словами ему были: «Я люблю вашу «Мессу». А он



через год после истории с Нобелевской премией), что Пастернак пришел на концерт, — и это было сенсацией. А кроме того, я помню гнусную статью Александра Медведева в «Советской культуре», в которой Бернстайн жестко высмеивался за то, что он повторил пьесу Айвза на бис, тогда как, по утверждению Медведева,

сразу: «А я люблю тех, кто любит мою «Мессу». («The MASS» — сочинение Бернстайна, как он считал, недооцененное публикой.) И сразу ко мне проникся. Когда я во время второй встречи назвал его «мистер Бернстайн», он сказал: «Зови меня Ленни...»

Помню, как я волновался перед встречей, что приму за Берн-

стайна кого-то другого. Но когда вошла толпа, все мои сомнения исчезли: Бернстайн был один, и не узнать его было невозможно: он был звездой в самом буквальном смысле слова — от него шло сияние. Только потом я заметил, что он очень маленького роста, немолод, курит одну сигарету за другой и что на шее у него повязан красивый фуляр. Мне он напомнил Чаплина из «Огней рампы», вернее, его героя, Кальверо. Сходство с Чаплиным очевидно даже внешне. Кстати, у Бернстайна была встреча с Чаплиным в 1967 году, и, несмотря на разницу в 30 лет, они подружились и стали вместе импровизировать — петь, танцевать, валять дурака. (Я видел чудные фотографии этой встречи.) Очевидна близость их натур и их судеб: оба достигли самых больших вершин мировой славы и признания и оба никогда не были счастливы и спокойны.

Какое-то время в Нью-Йорке (уже после смерти Бернстайна) я был «клиентом» знаменитого агента Робби Ланца, который всю жизнь был агентом и одним из «конфидентов» маэстро. Робби, очаровательный шармёр 75 лет, много рассказывал мне о Ленни, показывал фото и всякие архивы. Когда я спросил, как Бернстайн сумел так много сделать, он ответил: «Фантастическое умение сосредоточиться. Он мог, если надо, писать музыку или работать над партитурой в самолете, в поезде или в шумном ресторане — и просто не замечать ничего вокруг...»

Уверен, однако: Бернстайна

грызла тоска, что он сделал слишком мало. Ему хотелось и того, и сего, и пятого, и десятого. Он не мог решить для себя, что для него важнее — дирижирование или сочинение музыки, и вечно разрывался между этими занятиями. И при всей его немыслимой энергии, при его скоростях (он летал на собственном самолете) невозможно было осуществить все, что он задумал. Поэтому сейчас ясно, что написал он гораздо меньше, чем мог, сделал далеко не все записи, которые планировал, самым знаменитым его сочинением осталась «Вестсайдская история», которую он написал совсем молодым. Все это не давало ему покоя, все это грызло его изнутри. И умирал он долго и мучительно, — не так как умирают счастливики...

Когда мы беседовали в Москве в 1989 году, он сказал: «Будешь в Нью-Йорке — заходи, покажи какое-нибудь свое сочинение».

В 1990-м я переселился в Нью-Йорк и жил всего в нескольких кварталах от маэстро. Но, конечно, не решался звонить сразу. Потом маэстро был в отъезде, потом я познакомился с Ланцем, и тот сказал: «Не торопись, я устрою вам хорошую встречу, давая подождем, пока маэстро выздоровеет».

Разговор был в сентябре. А 4 октября Бернстайна не стало. В тот момент, когда из дома вынесли гроб, толпа зааплодировала. Последняя овация великому музыканту!

Александр ЖУРБИН
Нью-Йорк